

**ПОЯВИЛАСЬ ВОЗМОЖНОСТЬ УЗНАТЬ,
КАК НА САМОМ ДЕЛЕ УСТРОЕНА ЖИЗНЬ...
(О себе как части поколения, жившего
в середине 80-х – середине 90-х годов прошлого века)¹**

С.А. Никольский
Институт философии РАН

Аннотация: Прекрасный и многообразный мир Института философии Академии наук СССР, а затем – РАН, каким он был в середине 80-х – середине 90-х годов прошлого века, показан глазами аспиранта, а затем научного сотрудника. Поступив в аспирантуру сектора критики современной буржуазной философии стран Запада, автор сочетал учебу и подготовку кандидатской диссертации в нем с заинтересованной работой в секторе философских вопросов биологии, поскольку занимался темой биологических основ поведения человека на примере философии американского натурализма. Автор учился, сотрудничал и дружил с Р.С. Карпинской, Т.А. Кузьминой, Н.С. Юлиной, В.М. Межуевым, Г.С. Батищевым, А.И. Алешиным, Э.Ю. Соловьевым. В дальнейшем работа над диссертацией расширилась, распространившись на тему отношений человека и природы, в том числе в практической аграрной деятельности советского человека. В этом, в соответствии с духом времени, существенную роль сыграли центральные партийные органы и инициатива народного академика Т.С. Мальцева. Работа с экономистами – Е.Ф. Сабуровым, А.В. Чернявским и другими, с аграрными историками и экологами – В.П. Даниловым, Т. Шаниным, В.И. Кирюшиным привела к тому, что автор в 1994 году в качестве министра был приглашен в правительство Автономной Республики Крым (Украина), работая в котором имел возможность подробно ознакомиться с состоянием и перспективами развития аграрно-промышленного комплекса полуострова. На этой основе им была подготовлена для Крыма программа аграрных реформ, к сожалению, из-за кризиса президентской власти и последовавшей отставки «московского правительства» не состоявшаяся. О том, как это видится в четвертьвековом временном интервале, притом что многих друзей и коллег уже нет в живых, настоящий текст.

Ключевые слова: человек, общество, природа, биология, история, культура, аграрная сфера, практика.

¹ Первая публикация была осуществлена в издании: Никольский С.А. Появилась возможность узнать, как на самом деле устроена жизнь... (О себе как части поколения, жившего в середине 80-х – начале 90-х годов прошлого века). – Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: ЯСК, 2022. – С. 583–596.

Настоящий текст – не мемуары, не эссе. И поскольку ничего подобного ранее я не делал и в ближайшем будущем более делать не намерен, то и серьезно прорабатывать жанровые особенности не стану. Пусть это будут памятные заметки, не более того. Возможно, они будут любопытны молодым людям, чей взгляд на мир еще не приобрел свойства застывшего бетона. Со сверстниками и старшими современниками я их не обсуждаю: у каждого из них свое восприятие мира, свои надежды, своя правда. А пытаться понуждать принять мою позицию – дело затратное и пустое. Заметки будут состоять из двух отдельных сюжетов, как и по мере того они располагаются во времени и всплывают в памяти. Круги на воде. Итак...

В круге первом...

Он возник через несколько лет после того, как после аспирантуры и защиты кандидатской я был принят в Институт философии АН СССР в сектор философских вопросов биологии. Заведующей была моя фактическая научная руководительница кандидатской диссертации Регина Семеновна Карпинская. (Земля ей пухом). Ее стиль работы – привлечение к диалогу широкого круга ученых-биологов (в том числе известных – Н. Воронцова, А. Яблокова, Ю. Шрейдера) – надолго стал и моим стилем тоже. Мы занимались тем, что именовалось биологией человека, и тема моей кандидатской была посвящена философии американского натурализма, а также возникшей в то время в США социобиологии.

Институт в моем восприятии был тем местом, входя в которое я задерживал дыхание на вдохе, и как оно потом восстанавливалось, не контролировал. Вообще, мой выбор и мечта заниматься философией были подготовлены и, что важнее, оплачены отказом от других, Богом данных и лично значимых жизненных событий. Ведь СССР в определенных отношениях продолжал оставаться формой закрепощения человека, в том числе – прикрепления его к месту жительства. Пословица «где родился, там и пригодился» действовала беспощадно и буквально. Это сегодня человек сделался более свободным – житель региона может приехать в столицу, снять жилье и поступить на работу. В советское время это было невозможно. Свободно можно было сменить место жительства, лишь завербовавшись куда-нибудь в зону освоения новых территорий, например на стройку, или поступив, к примеру, после армии на работу в милицию. К этому часто прибегали жители сел. Но мотив – заниматься философией – в этой системе не существовал. Но вернусь ко времени реализации мечты.

В здании все еще было несколько учреждений – Институт экономики, журнал «Вопросы философии», «Палестинское общество». Философы жили на последнем, пятом этаже. По коридорам ходили люди с крайне разнообразными лицами. Они не были такими, как усредненные лица пассажиров метро. Все обладали своими повадками, и, как мне казалось, никто не подстраивался под другого. Некоторые, как, например, Вадим Михайлович Межуев, этим бравировали и любую тему старались свести к обсуждению именно его лица – его позиции, за которой на первом плане стояло собственное Я при полном отсутствии интереса к собеседнику. «Меня знают? Обо мне говорят?» – это то, что вполне искренне я часто слышал от него позднее, когда мы стали товарищами.

Последнему сопутствовало и то, что его жена, Наташа, была лучшей подругой Тамары Кузьминой, вдовы погибшего большого этика Олега Григорьевича Дробницкого. С Тамарой мы подружились всерьез и настолько, что своего сына Митю она отпускала со мной отдыхать к моим друзьям в Одессу. Из Одессы я звонил и сообщал, что Митька отказывается вставать ежедневно в 6 утра, чтобы идти на море. Но зато ел он за троих, тем более что еврейская мама Рима не только превосходно готовила, но и не разрешала вставать из-за сто-

ла, пока всё не будет съедено. На вопрос «Какого черта я тогда все это делала?» – ответа у меня не было. Сама мама Рима – мать моего детского друга Миши Фрейдлина – работала на двух ставках в парикмахерской, спала по 5 часов и готовила на семью и многочисленных друзей сына.

Тамара работала в секторе «Критики современной буржуазной философии» – единственном месте, где можно было всерьез заниматься западной философией. И поскольку моим номинальным руководителем была сотрудница этого сектора, то я пребывал там на законных основаниях. Руководил сектором интеллигентнейший Борис Тигранович Григорян, никогда не повышавший голоса и не менявший доброжелательного тона. Вообще интеллигентность в секторе выходила на необъяснимые уровни. Так, однажды в нем выступала польская ученая дама, которая, перечисляя дамский состав участников какой-то посиделки, сообщила, что среди прочих там были и б..ди. Сидевшая в конце комнаты Гаяне Михайловна Тавризян, специалист по французской философии, недослышала и обратилась к своей соседке – Азе Борисовне Зыковой, специалисту по испанской философии: «Азочка, дама только что в отношении женщин произнесла одно слово. Я недослышала, как она их назвала». Интеллигентная Зыкова ответила: «Гаяне, дорогая, ну, это слово, которое обозначает дам определенного поведения, которое начинается на букву “б”». Тавризян минуту подумала, а потом спросила: «А на какую оканчивается?»

Конечно, не стоит думать, что весь сектор и впрямь состоял из «дам-одуванчиков», ничего не знающих о жизни. Жизнь они знали отлично. Но умели вести себя так, как будто все злое и низкое существует где-то отдельно, и не пускали его в свой круг. Часто это к тому же сопровождалось откровенной самоиронией.

К примеру, позднее, проводя последний под эгидой ЮНЕСКО Международный день философии в Москве, я оказался в зале Дома ученых в кресле рядом с Ниной Степановной Юлиной, в то время уже достаточно пожилой и переживавшей не лучшие семейные времена после смерти мужа. В свое время она тоже была в секторе Григоряна. За кафедрой делал доклад Юрген Хабермас, и Юлина, несколько сомлев от его монотонного голоса, шепнула мне: «Сережа, я сейчас поплю, а потом буду выглядеть хорошо и ты подведешь меня к Хабермасу. Я за него замуж пойду».

Ироничное прятие жизни сопровождалось свободой, причем от рангов это не зависело. Когда к нам из аппарата ЦК КПСС (!) пришел директорствовать Георгий Лукич Смирнов, он с удивлением обнаружил, что все, включая лаборантов, в полной мере используют библиотечные дни, присутствуя на рабочих местах (столы в спину друг другу, поскольку, как говорил, институт располагался на одном этаже) только с 15 до 18 дважды в неделю. Как-то, зачем-то оказавшись в институте утром, я наблюдал картину: по пустому и полутемному коридору идет, заложив руки за спину, Георгий Лукич. Он поочередно подходит к каждой из секторских дверей, смотрит на табличку (у него, кажется, видел только один глаз), трогает ручку запертой двери и отходит. Следствием было распоряжение (недолго, правда, просуществовавшее), обязывавшее лаборантов ходить ежедневно и при этом расписываться в специальном журнале в отделе кадров. Георгий Лукич решил исполнение нововведения проверить. (Далее – из секторского фольклора.) Георгий Лукич открывает дверь в сектор Григоряна и видит: на длинном столе для заседаний, свесив ноги в сторону двери, лежит лаборантка Аня. На звук она поднимается, садится, некоторое время смотрит на директора и певучим голосом сообщает: «Никого нет». После чего снова ложится.

* * *

В аспирантские годы у меня не было друзей среди аспирантов. Наверное, потому, что аспирантура была заочной. Впрочем, и среди них устойчивых привязанностей я не наблю-

дал. Хорошими товарищами были Галя Горохова, специалист по китайской философии, впоследствии, как слышал, ушедшая в православие, и Володя Филатов, сегодня известный философ, профессор РГГУ. Моим настоящим институтским другом, во многом повлиявшим на мое профессиональное становление, стал вначале кандидат, а потом доктор философии Альберт Иванович Алешин. Поменяв прекрасную трехкомнатную квартиру в центре Горького (Нижнего Новгорода) на однушку у подмосковной станции в Щелкове, они с женой и дочкой переехали в Москву. Дочка Наташа поступила на философский факультет в МГУ, а Алик вначале преподавал, а потом все же стал работать в секторе Карпинской, в котором после защиты осел и я. Скрытый диссидент и знаток-книголюб, Алешин стал моим настоящим старшим другом, с которым мы вместе радовались появлению в конце 80-х текстов Андрея Платонова. Вот пример одного из шедевров, который вызвал наш общий восторг:

В Москве он явился в Кремль и постучал рукой в какую-то дверь. Ему открыл красноармеец и спросил: «Что надо?»

– О Ленине тоскую, – отвечал Уповев, – хочу свою политику рассказать.

Постепенно Уповева допустили к Владимиру Ильичу.

Маленький человек сидел за столом, выставив вперед большую голову, похожую на смертоносное ядро для буржуазии.

– Чего, товарищ? – спросил Ленин. – Говорите мне, как умеете, я буду вас слушать и делать другое дело – я так могу.

Уповев, увидев Ленина, заскрипел зубами от радости и, не сдержавшись, закапал слезами вниз. Он готов был размолоть себя под жерновом, лишь бы этот небольшой человек, думающий две мысли враз, сидел за своим столом и чертил для вечности, для всех безрадостных и погибающих свои скрижали на бумаге.

– Владимир Ильич, товарищ Ленин, – обратился Уповев, стараясь быть мужественным и железным, а не оловянным. – Дозволь мне совершить коммунизм в своей местности! Ведь зажиточный гад опять хочет бушевать, а по дорогам снова объявились люди, которые не только что имущества, а и пачпорта не имеют! Дозволь мне опереться на пешеходные нищие массы!..

Ленин поднял свое лицо на Уповева, и здесь между двумя людьми произошло собеседование, оставшееся навсегда в классовой тайне, ибо Уповев договаривал только до этого места, а дальше плакал и стонал от тоски по скончавшемуся.

– Поезжай в деревню, – произнес Владимир Ильич на прощанье, – мы тебя снарядим – дадим одежду и пищу на дорогу, а ты объединяй бедноту и пиши мне письма: как у тебя выходит.

– Ладно, Владимир Ильич, через неделю все бедные и средние будут чтить тебя и коммунизм!

– Живи, товарищ, – сказал Ленин еще один раз. – Будем тратить свою жизнь для счастья работающих и погибающих: ведь целые десятки и сотни миллионов умерли напрасно!

(Андрей Платонов. Впрок)

К сожалению, Альберт Иванович Алешин умер несколько лет назад от тромба в сердечном сосуде, и из прежних старших моих друзей со мной по-прежнему Эрих Юрьевич Соловьев и более близкие мне по возрасту Владимир Натанович Порус и Светлана Сергеевна Неретина. Конечно, в институте есть еще старшие коллеги, чье отношение для меня важно. Это Салам Керимович Гусейнов, с которым мы подружились в бытность его директором института, когда я был его заместителем. Это также принимавший меня в аспирантуру Владислав Александрович Лекторский, а также Мариэтта Тиграновна Степанянц. Но я, не преуменьшая их значимости, все же назвал бы их добрыми товарищами.

Если говорить о том, какие художественные произведения того времени оказали на меня особо сильное влияние, то назову следующие. Это проза Андрея Платонова, ранний

Михаил Шолохов («Тихий Дон» и «Донские рассказы»), вся проза Варлама Шаламова и Виктора Астафьева. (Собственно, эти трое, на мой взгляд, могут считаться величайшими отечественными писателями XX века.) Также – военная проза В. Быкова, В. Гроссмана, В. Кондратьева, К. Воробьева, деревенская проза В. Распутина и Ф. Абрамова. Без них моя жизнь была бы много беднее. И конечно, кинематограф (Алексей Герман, Лариса Шепитько, Сергей Бондарчук, Василий Шукшин, Андрей Тарковский, Георгий Данелия, Анджей Вайда, Марлен Хуциев) и театр того времени – Анатолий Эфрос, Георгий Товстоногов, Юрий Любимов.

* * *

Несколько слов о так называемой проблеме «философских поколений». Думаю, что их существование связано прежде всего с наличием самосознанием исследователей, по каким-то причинам желающих сознавать себя в такого рода контексте. У меня такого самосознания нет. Более того. Я думаю, что объективно мы внутри философского сообщества можем фиксировать такое деление лишь при наличии большого общественного события или процесса, который затрагивает многих ученых и уже этим провоцирует их определенную сходную реакцию на него. И такая реакция может быть метафорически названа самосознанием «философского поколения». Так, событием второй половины 50-х годов прошлого века был XX съезд КПСС, развенчавший «культ личности» Сталина. К тому же для его оценки именно определенным, а не разрозненным философским сообществом было наличие в таковом центрального ядра с общей судьбой – философов-фронтовиков. Думаю, без них «поколение» бы не сложилось. При этом не важно, что XX съезд был всего лишь малой и неадекватной попыткой пробиться к глобальному феномену «советского». Попыткой ограниченной, предполагающей на том этапе всего лишь замену главной фигуры времени – Сталина, о котором многое было справедливо сказано как о «злодее», фигурой Ленина, и точнее, Ленина не времен «военного коммунизма», когда он мало чем уступал «зрелому Сталину», а Ленина «позднего», когда он весной 1921 года все же согласился на поворот к НЭПу. Сами они, как мне представляется, формулировали это так: нужно вернуться к раннему Марксу и позднему Ленину. Наследниками XX съезда ленинский «поворот» подавался как его мудрость, хотя на самом деле, на мой взгляд, это был шаг вынужденный, на который политик шел, опасаясь потерять власть под давлением непрекращающихся крестьянских восстаний. (Кстати, первым эту опасность почувствовал Троцкий, предложивший НЭП весной 1920 года, то есть годом раньше. Но тогда Ленин на это не пошел, еще веря в силу большевистского строя и успешно топя в крови сопротивляющуюся деревню.) Более подробно этот исторический момент был мной исследован в книге «Власть и земля. Хроника утверждения бюрократии в деревне после Октября» [Никольский 1990]. Книжка была результатом работы в «спецхране» Ленинки. Примечательно, что один из наиболее знающих специалистов в этой области – профессор Виктор Петрович Данилов, с которым мы были товарищами, отметил мою работу как наиболее обоснованное в то время высказывание по этому сюжету.

Завершая тему «философских поколений», скажу. В силу того, что после события «десталинизации» в стране не было соразмерного общественного явления, то и о «философских поколениях» других времен речь, насколько могу судить, не возникает.

Конечно, сильным общественным событием было развенчание гегемонистской роли КПСС в жизни общества, равно как и последующий распад СССР. Однако в силу того, что процессы эти не получили в общественном сознании явного консенсуса, то и реакции в форме целостности – в частности, «философского поколения» – на них не последовало. Примеров того, что представители последующих поколений философов не были солидарны по поводу распада КПСС и СССР и не могли образовать нечто похожее на «философское поколение» как отклика на XX съезд и пересмотр отношения к марксизму и ленинизму, можно при-

вести много. Назову только один – показательную реакцию знающего специалиста, достойного человека и профессионала – Валентина Ивановича Толстых, недавно ушедшего. Свое самосознание он выразил, в частности, во многом автобиографической книгой под названием «Мы были». И главное, с говорящим подзаголовком: «Советский человек как он есть». На мой взгляд, в понятие «советский человек» Валентин Иванович вложил только то личное и, несомненно, позитивное, что советскому человеку и в самом деле было свойственно. Однако он ничего не сказал о том безобразном и даже ужасном, что тоже в советском человеке, к сожалению, было. И конечно, я об этом знаю, равно как и знаю многих философов из поколения Толстых, для которых определение «советский» звучит не так однозначно и даже скорее негативно.

Не думаю, что в означенное время середины 80-х – середины 90^х годов у многих исследователей появились какие-то особые проблемы для исследования, которых не было раньше. Наверное, в основном все продолжали заниматься тем же самым, но теперь делать это стало свободнее. Осмысление происходящих общественных сдвигов еще не начиналось, поскольку сами сдвиги едва наметились.

Параллельно с жизнью в институте я старался вникнуть в исследования интересовавших меня ученых – в МГУ на Ленинских горах слушал, на мой взгляд, революционный спецкурс по Гуссерлю Нели Васильевны Мотрошиловой, а в МФТИ (физтехе) в Долгопрудном – лекции Генриха Степановича Батищева о деятельностном подходе у Маркса. Генрих Степанович настолько высоко ценил свои мысли и авторство, что категорически запрещал что-либо записывать. Также я сделал попытку посетить семинар Георгия Петровича Щедровицкого, но сразу же должен был от этой затеи отказаться. Георгий Петрович, выяснив, что я из Института философии, не стесняясь в выражениях стал тут же на семинаре, мягко говоря, распекать его работников, а заодно и меня, потому как я в нем работал. Загадка такого способа общения так и осталась для меня неразрешимой. Однако, прочитав недавно его книгу «Я всегда был идеалистом», ответ, который не слишком понравился бы автору, я все же нашел.

Слушал я и публичные лекции Александра Александровича Зиновьева, который поразила меня способностью подавать себя как единственный и исключительный центр понимания и толкования советского мироздания, вокруг которого, как вокруг солнца, вращалось все. Платой за эту систему миропорядка стали многочисленные книги Александра Александровича, в которых «все» с неизбежностью сопрягается с «обо всем», то есть со скольжением по верхам. Но все же иногда, надо отдать должное, представленным занимательно. Впрочем, о мертвых...

Большое эмоциональное воздействие на меня оказывала театральная и кинематографическая Москва. Это было то, что, за исключением Ленинграда, почти полностью отсутствовало в советской и, позднее, в российской провинции. Театры на Малой Бронной с постановками А. Эфроса, на Таганке, со спектаклями Ю. Любимова, гастроль Ленинградского Большого драматического театра Г. Товстоногова, «Иллюзион» и московские кинофестивали – если и не слишком развивали концептуальное мышление, то развивали безошибочный эмоциональный камертон на правду и ложь. Любовь к кино у меня была давно, еще со времен школьной учебы в Луганске. У меня были прекрасные учителя – Нонна Николаевна по русской литературе и Борис Натанович Порус по физике. (Кстати, Борис Натанович как-то на уроке говорил о своем брате – Владимире Натановиче, сотруднике Института философии. И потом, через несколько десятков лет, мы с Володей стали друзьями, а Борис Натанович год назад умер у своего сына в Подмосковье.) В одном классе со мной учился ныне известный киновед, а по должности – главный киновед Госфильмофонда России – кандидат искусствоведения Женя Марголит. С ним мы разбирались в «Затмении» Антониони, смотрели фильмы

итальянского неореализма, польские фильмы – «Пепел и алмаз» со Збигневом Цыбульским и «Пепел» с Даниэлем Ольбрыхским.

По итогам кандидатской мы в соавторстве с Р.С. Карпинской опубликовали в 1981 году в «Науке» мою первую монографию «Социобиология. Критический анализ». Но тут на нас «свалился» народный академик агроном-сибиряк Терентий Мальцев, и жизнь взяла новый курс. Терентию Семеновичу в то время было более восьмидесяти, и он, усвоив верное понимание, что если в СССР что-то и делается, то лишь с санкции начальства, будучи дважды Героем Социалистического Труда, зачастил по высоким кабинетам ЦК партии. Тогда, после смерти Брежнева, генеральные секретари долго не засиживались, и потому Мальцев на Старой площади, где располагался аппарат руководства КПСС, был гостем частым. Смысл его идеи был прост: всегда отстававшее от передовых стран сельское хозяйство страны нельзя «поднять» без марксистско-ленинской философии.

На первый взгляд было смешно. Но за первой мыслью стояла вторая, серьезная. И когда спустя десять лет на брифинге в Крыму у меня, тамошнего министра сельского хозяйства, одна местная звездная журналистка спросила: «Какая связь между философией и навозом?», я ответил: «Человек».

Вот и Мальцев чуял, что глубокая яма отечественного сельского хозяйства не столько от отставания в технологиях и сортах, сколько от несвободы и скованности ума и рук работника. (Сам он, говорят, еще в 1947 году ухитрился получить лично от Сталина бумагу, разрешающую ему сеять – убирать не по приказам из райкома-обкома, а по личному усмотрению.) Но допустить, что советский человек не свободен, а в его голове есть нечто не совпадающее с «верным и потому всемогущим учением Маркса и Энгельса» в интерпретации Ленина, Сталина и, далее по списку, генеральных секретарей и решений съездов и пленумов ЦК КПСС, он, конечно, не мог. По незнанию прежде всего. А если б и знал, то, наверное, не допустил бы по инстинкту выживания.

Так вот, после очередного похода агронома в ЦК КПСС в Институт философии была «спущена» директива – идеи народного академика поддержать и оформить. И эта директива плавно легла на мою голову – м.н.с., к.ф.н.

Начинать, как я понимал, надо было с истории. Но в какое время и что именно в ней следовало искать в первую очередь, мне подсказали те, кто давно этой проблематикой занимался, а иногда и жил – историки-аграрники, аграрники-экономисты, географы, почвоведы.

Когда я говорю «жил», то имею в виду специалистов, сидевших в архивах, либо работавших на земле, либо проводивших полевые исследования на почвах хозяйств. То есть это в любом случае были люди, имевшие дело с реальностью непосредственно, потому что было очень много «интерпретаторов» – тех, кто брал в руки материалы, полученные учеными и специалистами «первого ряда», и далее вводил в научное знание свое интерпретированное видение реальности. А поскольку интерпретации обязаны были быть согласованы с идеологическими установками, то, например, не допуская изгнанного из реальности марксизмом-ленинизмом-сталинизмом понятия «собственность», работников села интерпретаторы именовали не хозяевами земли, а «хозяевами на земле».

Знание о реальности было искажено разного рода идеологическими пристрастиями, мировоззренческой заикленностью, «правильным» или, как сегодня предпочитают говорить, «патриотичным», российским видением истории. В особенности в этой проблематике преуспевали «народолюбцы» – славянофилы и евразийцы, которых медом не корми, а дай поругать либералов и «зловредный» Запад. И в истории «защитников народа» в качестве столпов были не только незначительные современные, но и особо значимые фигуры. Как, например, православный националист Федор Михайлович Достоевский, постоянно кусавший либерала Ивана Сергеевича Тургенева за его описание России из французского далека «через

подзорную трубу», что не мешало «патриоту» Федору Михайловичу регулярно у Ивана Сергеевича одалживаться после очередного рулеточного проигрыша.

Среди моих старших товарищей, а потом и друзей, открывших для меня видение реальности такой, какой она была, были наш крупнейший историк-аграрник Виктор Петрович Данилов, специалист по доколхозной деревне и коллективизации; знаток сельского хозяйства – почвовед Дмитрий Николаевич Дурманов; аграрник-экономист Гелий Иванович Шмелев, все ныне покойные; а также здравствующий эколог и почвовед академик Валерий Иванович Кирюшин.

Отдельно нужно сказать о приехавшем из Манчестера в Москву социологе крестьянства Теодоре Шанине, с которым Данилов познакомил меня в конце 80-х. Теодор на свои деньги сразу собрал из москвичей и молодых ученых регионов группу, с которыми мы начали долговременное включенное исследование мировоззрения сельских жителей ряда областей и республик СССР. Одновременно он был увлечен идеей создания годичного вуза – российско-британского негосударственного университета для молодежи с высшим образованием, с 1995 года ставшего известным как Московская высшая школа социальных и экономических наук, а впоследствии именуемого «шанинкой». В первый год накануне вступительных экзаменов Теодор позвонил мне: «Сергей, мои московские друзья просят меня о содействии при зачислении в Школу их детей. По английским правилам я тут же должен исключить их из состава абитуриентов. Что делать?» Это тоже была советская реальность.

Виктор Петрович и Теодор ввели меня в мир аграрной истории и социологии, в крестьяноведение. К сожалению, в феврале нынешнего года, немного не дожив до 90 лет, Теодор умер. Виктор Петрович трагически погиб еще раньше.

Параллельно среди моих товарищей и знакомых было много публицистов, писавших о прошлой советской и современной деревне. Среди наиболее знаменитых были Юрий Дмитриевич Черниченко и Анатолий Иванович Стреляный. Юрий Дмитриевич был на творческом пике не только потому, что много писал о деревне, но и потому что был бессменным ведущим еженедельной единственной в то время, да и сегодня тоже, аграрной телевизионной передачи «Сельский час».

Анатолий Иванович запомнился мне не только как блестящий публицист, но и как автор документального фильма «Архангельский мужик» о крестьянине Сивкове. В перестроечное время этот персонаж олицетворял отечественное единоличное хозяйство, на которое Анатолий Иванович, как и Юрий Дмитриевич, возлагал большие надежды как на альтернативу неэффективным колхозам и совхозам. Убежденный либерал, Анатолий Иванович с 1995 года в течение почти двадцати пяти лет успешно вел на Радио «Свобода» в Австрии передачу «Ваши письма». А Юрий Дмитриевич на заре перестройки был избран председателем «Крестьянской партии», пребывал депутатом Верховного Совета СССР и членом Совета Федерации. Он умер в 2010 году. Анатолий Иванович, слава Богу, жив и, насколько могу судить по его интересным постам в «Фейсбуке», сейчас живет в Полтавской области Украины.

Экономистом-аграрником, энтузиастом развития в СССР крестьянских (фермерских) хозяйств был работник ЦК партии Владимир Федорович Башмачников. От него, примерно на рубеже 90-х, я впервые услышал термин «приватизация». Он был первым президентом созданной Ассоциации крестьянских хозяйств и кооперативов России (АККОР), которая поднялась на волне создания фермерских производств, но потом отошла в тень под давлением задавивших фермерство аграрных монополий.

Среди моих товарищей-друзей нужно назвать и тогдашнего сотрудника нашего института Юрия Мефодиевича Бородая. Так же как и я, он был увлечен аграрной проблематикой, но в первую очередь искал, находил и акцентировал марксистские основания для утвержде-

ния в этом способе хозяйствования приоритета труда индивидуального товаропроизводителя над коллективным.

Вместе с Бородаем, Башмачниковым и сотрудницей Института И.И. Мюрберг (в то время – Ирой Ершовой) в 1991 году в партийном издательстве «Политиздат» мы коллективно выпустили книгу «Пути аграрного возрождения». Впрочем, механизм насильственной деколлективизации в то время был уже на полную мощность запущен, и книга прошла незамеченной.

Но, наверное, первым шагом на этом научно-государственном направлении понимания советской аграрной реальности была организованная мной в 1986 году в Полтаве, под неизменным руководством Р.С. Карпинской, Первая Всесоюзная конференция философов, ученых-аграрников и руководителей колхозов-совхозов под названием «Мировоззрение и сельскохозяйственная практика». Именно Полтава была избрана местом проведения, потому что тогдашним первым секретарем областного комитета Компартии Украины – фактического областного хозяина, был известный аграрник, сторонник и пропагандист так называемой безотвальной системы земледелия Федор Трофимович Моргун. Вот на эту конференцию и приехали многие из названных ранее моих товарищей-друзей.

Проходила она в здании областного комитета партии при закрытых для прессы дверях, вход в которое был по двум видам внутренних пропусков. Как говорили ее участники, таких речей они не слышали с 17-го года. Я тогда начал готовить монографию «Власть и земля. Хроника утверждения бюрократии в деревне после Октября», которую уже упомянул ранее, и потому мой доклад был посвящен теме бюрократии.

В 1989 году продолжением полтавской конференции стала конференция по экологической проблематике в Одессе, а позднее еще одна – в 1990 году в Москве с участием тогдашнего президента ВАСХНИЛ (Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина) академика А.А. Никонова и Теодора Шанина и приглашенных с помощью Теодора ряда иностранных специалистов, занимающихся тематикой аграрного производства и сельскими сообществами. Называлась она «Перестройка аграрного производства в СССР: проблемы и перспективы». Само собой, накануне и после конференций были изданы книги, а на основе материалов моей монографии «Власть и земля» в 1991 году по предложению одного из тогдашних ведущих «истматчиков» института, Юрия Константиновича Плетникова, я защитил в Институте философии докторскую.

В круге втором...

Еще одна встреча с реальностью случилась в начале 1994 года. В Автономной Республике Крым – тогда части Украины, на выборах президентом стал крымчанин, практик-юрист Юрий Александрович Мешков. Не желая иметь правительство, связанное с местными элитарно-криминальными сообществами, он обратился также к крымчанину по рождению, экономисту, а в это время москвичу Евгению Федоровичу Сабурову, бывшему в недавнем прошлом вице-премьером российского правительства Ивана Силаева, с предложением приехать и проводить реформы на полуострове. Мое знакомство с Евгением Федоровичем состоялось незадолго до того, но его положительного обо мне впечатления хватило, чтобы пригласить меня поехать с ним и его командой ранней весной 1994 года в Крым в составе экспертной группы.

В Крыму в течение недели тогдашний аграрный министр знакомил меня с сельскохозяйственными и перерабатывающими предприятиями. Было их более сотни, поскольку они решали задачу обеспечения всеми продуктами порядка 10 миллионов ежегодно отдыхающих во Всесоюзной здравнице с мая по октябрь. После ознакомительных поездок мне нужно

было делать сообщение на заключительной встрече с президентом Крыма о реформе отрасли. Присутствующие, вероятно, ожидали, что я, по аналогии с тогдашним российским опытом деколлективизации, предложу нечто подобное.

В этой связи надо отметить, что, несмотря на, кажется, достаточно квалифицированный состав тогдашних российских ученых-аграрников, почти все они были увлечены идеей дробления неэффективных колхозов-совхозов на мелкие фермерские (крестьянские) предприятия, которые, возможно, начали бы кооперироваться на свободной основе. Но случиться это могло, естественно, далеко не сразу. А отсутствие инфраструктуры, опыта и готовности у самих реформируемых их не смущало. В этой связи точно в дату годовщины начала сталинской коллективизации (Бог или сатана решили посмеяться), то есть спустя 62 года, но тоже 27 декабря 1991 года, Б.Н. Ельцин подписал указ о принудительном роспуске колхозов-совхозов в течение 12 месяцев начиная с 1 января 1992 года. При наличии у них задолженности перед государством им предписывалось продать имеющуюся технику и покрыть долги. То, что в условиях диспаритета цен (социалистическое государство в интересах народа назначало низкие закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию) три четверти предприятий были должниками, а кроме того, что некому было продавать технику для покрытия долгов, радикал-реформаторов не волновало. Им мнилось, что крестьяне тут же из колхозов побегут и станут эффективными индивидуальными производителями, как их раскулаченные деды или ныне живущие в США фермеры.

В результате колхозы-совхозы в массе своей рухнули, лишившиеся работы крестьяне – кто мог подались на городские заработки или в «челноки» (так назывались люди, закупавшие дешевый китайский ширпотреб и продававшие его в России). Процесс этот охватил более двадцати миллионов вчерашних работников и жителей деревни. Аграрное производство еще сильнее упало. А в стране, никем не замеченная, случилась социальная катастрофа.

Пойти по этому пути в Крыму я не хотел. Было очевидно, что естественный рынок мог сложиться неизвестно когда и только на развалинах и обнищании производителей. К тому же их «рыночное» мышление характеризовалось, например, таким представлением. Когда я им говорил, что вместо того, чтобы кланчить дотации в министерстве, им нужно обращаться в банки, они отвечали: «Кредит должен быть беспроцентным и безвозвратным».

Поэтому в разработанной программе реформ я сделал акцент не на собственности, а на долгосрочной аренде земли с правом ее банковского залога под кредиты, а также на номинальном оформлении прав собственности на средства производства через имущественные паи, которые могли свободно обращаться между работниками на первом этапе только в пределах хозяйства (производства). Я рассчитывал на постепенное эволюционное возникновение больших и малых собственников за счет перераспределения паев между ними. И на это ориентировал в первую очередь руководителей и специалистов хозяйств районов, в которые регулярно по субботам выезжал для личного знакомства, поскольку в остальные дни они приезжали ко мне.

Но реальность открылась не только с хозяйственной стороны. Активно заселенный русскими переселенцами после Отечественной войны Крым (в начале 90-х они составляли более 70 процентов населения) был нацелен на возврат в Россию. Преобладающее настроение было «Назад в СССР!». В то же время начавшие возвращаться после военной депортации крымские татары в своей наиболее агрессивной части были настроены на вытеснение русских с полуострова, что сразу же вылилось в произвольные захваты земель и конфликты. Часть украинцев, живших в основном в северных районах, были против русификации и за более тесное сближение с материковой Украиной. К этому нужно добавить и активность бандитских крымских группировок, постоянно пополняемых за счет контингента, мигрирующего на «морской отдых» и для новых захватов собственности. Реформа и приватизация земли долж-

ны были, по мнению этих этнических и «профессиональных» групп, идти по их сценариям. Вряд ли мирным. Мои попытки наладить хозяйственные контакты с крымскими татарами в самом начале были пресечены тогдашним руководством меджлиса. В то же время их старания «приручить» меня и навязать свою логику преобразований тоже оказались безрезультатными.

Тупиковый характер ситуации усугублялся еще и тем, что наше «московское» правительство было бельмом на глазу у киевской власти. Им, в частности, сильно не понравился мой проект аграрных реформ и начальные меры руководства, когда я за бездеятельность и хозяйственную бестолковость уволил шестерых руководителей, систематически не выполнявших планы рисоводческих совхозов. (Вообще же, нужно было додуматься организовать производство риса в дефицитном по воде Крыму!)

Кроме того, и руководство России в это время свято блюло позицию невмешательства в крымские дела. Наши проекты реформ, в том числе строительства крымского моста, возведенного Россией недавно, в то время никому не были нужны.

Таким образом, когда президент Мешков осознал невозможность реформ из-за их блокирования Верховным Советом Крыма, в котором означенные социальные группы в полной мере были представлены, он не нашел ничего лучшего, как сделать попытку по примеру России распустить Верховный Совет. Однако в России за этим решением стояли вооруженные силы, в то время как в Крыму все было под контролем и в руках Службы безопасности Украины. Распуск Верховного Совета кончился тем, что в отставку было отправлено детище крымского президента – «московское» правительство, а забаррикадировавшийся в своем кабинете Мешков в конце концов через несколько месяцев был отравлен и тем самым извлечен. Таким образом, попытка независимости Республики Крым в 1994 году завершилась ничем, и полуостров вслед за материковой Украиной ступил на путь постепенной экономической деградации при все большем распространении криминала, усиливающихся националистических игр руководства крымских татар и возрастающем личном обогащении коррумпированного киевского и крымского чиновничества.

* * *

Конечно, время второй половины 80-х – первой половины 90-х годов было и временем, когда подлинная действительность открывалась через возвращение (публикацию) ранее неизвестных великих литературных текстов – художественной философии. Для чтения, коему мое поколение с упоением предавалось, стали доступны романы и повести Андрея Платоновича Платонова – «Чевенгур», «Котлован», «Ювенильное море», «Джан»; полный текст романа «Жизнь и судьба» Василия Семеновича Гроссмана; нашел в себе силы написать «Прокляты и убиты» Виктор Петрович Астафьев. Это были произведения из «первых рук» – современников, участников, страдальцев. Это также было непосредственное выражение времени, документы эпохи. И если вообще говорить об адекватном понимании времени и жизни в нем особого философского поколения, то нужно отдавать себе отчет, что без такого рода пластов художественного знания (художественной философии) вряд ли можно что-либо понять в действительности, осознать ее «как она есть», а внутри нее и самих себя. Но это предмет уже другого разговора.